

тинаучной и мошеннической (см. резкий антисциентизм Хармана).

Пускай Харман и не хочет признавать этой своей общности с Делёзом, в философском плане ими разделяется одна и та же стратегия. Преимущество позиции Делёза заключается в том, что *медиум там не выступает обманщиком*: он вовсе не тянет, так сказать, на себя одеяло и не пытается манипуляторскими приемами привлечь к себе внимание. Напротив, фетишизм представляется лишь одной из целого множества схем, входящих в состав фигуры под названием «мазохизм».

Ловкость рук — пожалуйста, но вот только никакого мошенниче-

ства, извините. Нужна ли нам сегодня фетишистская онтология вещей? Может быть, но не стоит считать ее какой-то целью в себе. Она должна быть подчинена некоей более общей задаче. *Выяснение и очерчивание контуров подобного рода задачи* — вот что могло бы входить в повестку дня так и не родившегося пока движения под названием «Спекулятивный реализм», «на пути» к которому мы всё еще, несомненно, находимся. И стоило бы надеяться, что этот «виртуальный мальчик» наконец родится и заорет на всю клинику, как оно и подобает здоровому младенцу.

Артем Морозов

ФИЛОСОФИЯ В СПИСКАХ¹

Нелли Мотрошилова. Отечественная философия
50–80-х годов XX века и западная мысль.
М.: Академический Проект, 2012. — 376

Неодолимая тяга к перечислению часто побуждает нас читать практические списки так, словно это списки поэтические — и в самом деле, часто отличие между практическим и поэтическим списком всецело определяется нашим к нему подходом.

У.Эко

Русская философия болезненно переживает свою провинциальность. Ее отношения с «западной мыслью» оборачиваются в книге Н. В. Мотрошиловой настоящей драмой: их то разлучает «несправедливая судьба», по прихоти которой за границей не слышат «собственное, ори-

гинальное слово» наших философов (117, 123), то вновь сводит вместе «спонтанная параллельность» (8, 108).

Проблема провинциализма, однако, далеко не исчерпывается недостатком внешнего признания. В гораздо большей степени она касается режимов философской работы и дисциплинарного здравого смысла, выражающихся в политиках письма, цитирования, публикации и обсуждения, в классификациях и определениях, которые произво-

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-03-00562а «Трансформация российского философского сообщества во второй половине XX — начале XXI века».

дятся в господствующих позициях и транслируются через учебные программы и пособия, но также — в корпоративной замкнутости и интеллектуальной коррупции. Мне кажется, социология знания, объективация мышления, позволяющая разорвать с господствующими формами саморепрезентации философии (представления о «республике философов», о мысли как собственности автономного субъекта и т. д.), может стать одним из средств преодоления провинциализма. Именно поэтому сегодня разговор о советской философии 1950–1980-х имеет чрезвычайное значение.

С этим связаны высокие читательские ожидания, предъявляемые книге на эту тему, написанной к тому же активной участницей событий. Книга, однако, отвечает далеко не всем этим ожиданиям. Начать с того, что она рассыпается на три почти равные по объему части: в первом и втором разделах речь идет об отечественной философии, третий представляет собой в основном учебник по мертоновской социологии науки, пятый — републикацию статьи о Мамардашвили из ифрановской книжки², похвальное слово Валерию Подороге и пару интервью, а четвертый раздел «Были ли новые тенденции в послевоенной отечественной философии замечены на Западе?» занимает всего 6,5 страниц. Но дело не только в этом: текст постоянно дублируется, постоянно переходит из исследовательского регистра в мемуарный

2. См.: Мотрошилова Н. Мераб Константинович Мамардашвили. М.: РОССПЭН, 2009. Статья, посвященная значению фигуры Мамардашвили для определенного сегмента (пост)советского философского сообщества, будет опубликована в одном из ближайших номеров «Логоса».

(иногда ритуально-мемуарный), причем так спонтанно и легко, что в какой-то момент начинаешь сомневаться, действительно ли такой переход проблематичен, действительно ли он требует методологической рефлексии, всякий раз отчетливого различения типов данных, объективации собственной позиции в профессиональном поле, которая (возможно) позволит избежать наиболее грубых ретроспективных искажений.

Нужно уточнить: под это скрепление «социологии философского познания» с «воспоминаниями и размышлениями» подведены определенные «методологические основания». Уже из аннотации читатель может узнать, что «тексты объединяет концепция места философии и философов в исторически развивающемся обществе. Ядро этой концепции составляют три основных принципа. Первый — это понятие работающей идеи, второй — это то, что сама Н. В. Мотрошилова называет «личностный принцип», и третий — это различение трех уровней исторического развития общества: цивилизация, эпоха, историческая ситуация» (2). О первом «принципе» мне сказать нечего, словосочетание «работающая идея» ни разу больше не употребляется, но два других весьма любопытны. «Личностный принцип» — это, как поясняет автор, отнесение философии и личного опыта философа: «Тип его личности, характер, ценности (конечно, как я их понимаю). Разумеется, и мой личностный опыт здесь отбросить, отмыслить невозможно» (278). Н. В. Мотрошилова с самого начала подчеркивает (буквально, выделяя курсивом) «субъективный характер» своих «обобщений, размышлений, характеристик» (5), настаивая в то же время, что ее рабо-

та носит исследовательский, сразу историко-философский и социологический характер (8–9). Это сочетание «субъективности» и «объективности»³ оправдывается следующими соображениями: во-первых, историческое исследование всегда субъективно (4), во-вторых, исследование 50–80-х годов XX века субъективно в особенности (5), а в третьих, «социальный контекст... воздействует на развитие философии... через целый ряд опосредующих звеньев, в конце концов передающих философии отдельные социальные, в том числе духовно-культурные, идейные влияния. К числу социальных звеньев, наиболее близких к миру знания... относятся, по моему мнению, коммуникативные факторы, проявляющиеся в формировании и изменении профессиональных сообществ» (11).

Последнее положение является центральным, поскольку именно оно позволяет монтировать столь разнородные элементы как положение о социальной детерминированности философии, классическую логику историко-философского исследования (с ее исключительным интересом к текстам «наиболее продуктивных и творческих» авторов) и порой весьма эмоциональную мемуарную прозу⁴. Этот проект «социологии познания» работает с та-

3. Уже на уровне лексики и фразеологии: формулировки вроде «по своему опыту знаю», «помню по своим студенческим годам» соседствуют в книге с «при непредвзятом подходе трудно не признать», «сегодня вряд ли требует доказательств», «сегодня совершенно ясно» и т. д.

4. Основной источник, постоянно цитируемый в первых двух разделах, — ифрановская книжка, лишь немногим более откровенно мемуарная: Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. / Под ред. В. А. Лекторского. М.: РОССПЭН, 1998.

кими «большими» (и, пользуясь термином Дэвида Блура, чрезвычайно «слабыми») понятиями, как «эпоха» или «поколение». Первое используется в тексте для постулирования связи между «поворотными событиями» (Победа, смерть Сталина, Пражская весна, перестройка) и ослаблением/усилением идеологического контроля, второе — для обозначения общности взглядов и ценностей тех, кого Н. В. Мотрошилова относит к «неформальному сообществу». Здесь как раз появляется зазор, в который протискивается «субъективное»: разрыв с «догматичной, косной марксистско-ленинской идеологией» мыслится как профессиональный, но одновременно и экзистенциальный выбор, а определяющими факторами этого размежевания объявляются «ценности, установки, ориентации отдельных личностей и программатика их сообществ» (12, 18, 29). И соответственно, сама автор, как носитель этих ценностей и установок, говорит не только о своей «академической банде»⁵, но и от ее имени.

Н. В. Мотрошилова, по-видимому, сознает проблематичность такой позиции и пытается защитить ее с помощью ряда аргументов:

1. «Морального», развернутого в отповеди неназванным «хулителям» (знакомые читателям Н. В. Мотрошиловой эпитеты позволяют предположить, что речь идет, прежде всего, о Галковском), но — в интонациях, частых обращениях к «справедливости» — обнаруживаемого практически во всем тексте.

И если слово уже не раз получали резвые и предельно резкие ав-

5. Шефф Т. Дж. Академические банды // Русский журнал. 2.04.1999. URL: <http://old.russ.ru/edu/99-04-02/scheff.htm>.

торы постперестроечного периода, которые в «праведном гнев» пытались и пытаются сравнить с землей всю философию советского и нынешнего времени, то справедливость требует, чтобы были выслушаны также и те, для кого прошедшие десятилетия были временем их жизни, судьбы, надежд и страданий. (Кстати, помимо «праведного гнева» от подавляющего большинства этих авторов и их сегодняшних последователей читатели так и не дождалась «блестящих» философских произведений...) (5).

Любопытно здесь то, что реплики «хулителей» (газетные статьи, а сегодня, скорее, посты в *Livejournal* или *Facebook*) даже по прошествии лет предстают более заметными (хоть и более легковесными, конечно), чем многократно превосходящие их по объему тома воспоминаний, монографий, энциклопедий и справочников.

2. «Методологического», предъявляемого, правда, не в явном виде, а в форме анализа нормативной социологии Роберта Мертона. Н. В. Мотрошилова утверждает, что «ни тогда... ни после в этой области не появилось ничего такого, что было бы сопоставимо с нею по глубине и систематичности» (169) и даже что «в социологии науки другие парадигмы... пока не просматриваются» (176). Этот ход, мне кажется, симптоматичным. Во-первых, потому что структурный функционализм,

...введенный в двойственном статусе: официально — как оптимизирующее дополнение, неофициально — как решительный контраргумент к «общей социальной теории» истмата, выступил од-

новременно теоретической основой и отличительным знаком [социологического] профессионализма в терминах 1960-х⁶.

Во-вторых, потому что, как выясняется, достаточно слегка поскрести мертоновскую социологию, чтобы обнаружить за ней философию (171–172). Н. В. Мотрошилова опирается на американский социологический мейнстрим 1960-х (что рассматривалось в момент, когда она начинала им заниматься, как свидетельство социологического профессионализма и, возможно, фрондерства) и одновременно на имманентистскую историко-философскую традицию, запрещающую сводить «высокое» знание к «низменным» обстоятельствам на «философское достоинство»⁷, короче: на своеобразную философию философии. Отказываясь считать на шестой странице философию порождением «мистического мирового духа», она на седьмой называет ее «одной из универсалистских структур человеческого духа»⁸, утверждает существование некоей «объективной логики исследования», благодаря которой отечественные философы примерно в то же время приходили примерно к тем же результатам («спонтанная параллельность»). Не случайно также «главным противником» «исследования в жанре социологии философского познания» оказывается «вульгарный,

6. Бикбов А., Гавриленко С. Российская социология: автономия под вопросом // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 7.

7. Бикбов А. Философское достоинство как предмет исследования // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 30–60.

8. «Ибо она вычленяет, формулирует, закрепляет, транслирует то, что В. С. Степин, примыкая к давним традициям, называет “универсалиями”, то есть всеобщими понятиями, категориями культуры» (7).

идеологизированный социологизм». «Редукционизму» эмпирических детерминаций, анализу профессиональных условий философского производства, карьерных траекторий, позиций и ставок Н. В. Мотрошилова предпочитает констатацию связей между «эпохой» с ее «поворотными событиями» и философией, которые по большому счету могут быть сведены к формуле «на философов идеологически давили, но философия объективно отражала»⁹. Симптоматично, что

9. За единственным ценным исключением: «из представителей поколений, вошедших в отечественную философию и социологию в 1950–1960-х годах, — пишет Н. В. Мотрошилова, — 90–95% составляли те люди, которые родились и (часто) проводили свое школьное детство в деревнях, поселках, небольших городках. Рожденные и выросшие в Москве, Ленинграде, Киеве, то есть в столице и самых крупных городах, составили не более 5–8% от общего числа тех, из кого потом образовались ряды кандидатов, докторов философских наук. <...> Со сказанным тесно связано следующее: в подавляющем большинстве это были выходцы из простых семей. Лишь в очень, очень редких случаях — дети из семей с давними интеллектуальными традициями и корнями» (26). Это наблюдение чрезвычайно интересно, оно могло бы стать отправной точкой для исследования габитуальных оснований общности «неортодоксального философского сообщества» (Мотрошилова, как его член, мыслит эту общность, скорее, в этических категориях). Но что еще может следовать из этого факта? Стоит ли мыслить представителей первого поколения как своего рода нуворишей, с особенным вниманием относящихся к внешним отличиям (таким, например, как тонкости оформления ритуальных цитат или обширность библиографических списков)? Стоит ли связывать их сегодняшнее положение, их движение от производства к дистрибуции, от исследований науки

в длинных перечнях имен историков, социологов и философов науки ни разу не упоминаются занимавшиеся именно социологией философии Ф. Рингер, П. Бурдьё, Ш. Сулье, Р. Коллинз, М. Куш.

3. И наконец, «идеологического»: оппозиция «исследование против идеологии» (33), конечно, также может быть интерпретирована как идеологическая, говорит Н. В. Мотрошилова,

...но «идеология», возводящая в норму проверяемое, доказуемое, на мировом уровне осуществляемое и транслируемое философское исследование, отвечает, по моему мнению, внутреннему характеру, специфике философии как особой формы человеческой культуры (5).

Собственно, вся книга построена вокруг этой оппозиции: советская философия/философия в Советском Союзе, исследование/идеология, официальное/неофициальное сообщества и т. д. Считать ее «идеологической» (в кавычках) Н. В. Мотрошилова соглашается только в смысле некоей универсалистской «идеологии философов»¹⁰. А идеологическое в собственном смысле определяется ей телеологически — это то, что направлено

к рассуждениям о культуре и т. д. в том числе и с этой изначальной оторванностью от интеллектуальной культуры? Здесь нужны конкретные биографические исследования.

10. Может быть, еще и в традиционном политическом смысле: «впоследствии обнаружится смыкание позиций по крайней мере одного крыла неофициального сообщества с защитой прав, свобод человека, то есть с либеральной идеологией западного типа». Но в этот «сложный спор» она не вдается (33).

на «прославление» и «защиту интересов» (власти, класса). Различение ортодоксальное/неортодоксальное основано не на анализе академических структур и рутинных процедур философского производства и даже не на анализе текстов, а на (само) описании «ориентаций, ценностей [членов этих сообществ], критериев, которыми они действительно руководствовались в своей работе» (29). Поскольку сказать, какими ценностями *действительно* руководствовался тот или иной персонаж проблематично, в игру вступает практический опыт Н. В. Мотрошиловой: ее знакомство с действующими лицами позволяет отличать «неизбежные компромиссы» от догматических убеждений (38) и даже «уважаемых авторов» от неуважаемых (85). Такого рода описания столь очевидно асимметричны (в смысле Д. Блура¹¹) и предвзяты (в обычном смысле), что могут рассматриваться, скорее, не как исследование, а как материал для него. Они служат характерным примером, демонстрирующим относительную гетерономность российского философского поля, поскольку включают в себя как почти не эвфемизированные политические или моральные аргументы, так и специфический «объективизм». Думаю, что как раз этот «объективизм» можно рассматривать как своего рода «идеологическую программу», набор интеллектуальных стратегий, связанный с последовательностью занимаемых позиций: от требований профессионализации и деполитизации философии в 1950–1960-х годах (объективирую-

11. «Одни и те же типы причин будут объяснять, например, и истинные, и ложные представления» (Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 5).

щих «интерес к незаинтересованности»¹², стремление новичков к большей автономизации научных карьер) к «защите достойной истории гуманитарной мысли нашей страны» (под которой может пониматься не только политика канонизации¹³, но и защита здания Института философии на Волхонке или кандидатского экзамена по философии¹⁴).

Непосредственное сочетание интеллектуальных схем и биографических обстоятельств отражается в стилистической разнородности текста, удивительной полифонии. Сухой язык диссертационных введений внезапно сменяется почти державинскими строками:

Лучшим доказательством сказанного может служить то, что множеством статей первой «Философской энциклопедии» и сегодня можно пользоваться как материалами, весьма добротными по своей фактуре, по глубине и объективности раскрытия темы, по охвату имевшейся тогда литературы вопроса и т. д. <...> Полагаю, что оценка такого масштабного исторического дела, как пятитомная «Философская энциклопедия», сегодня требует от нас возвратиться к совершенно конкретному анализу ее текстов, что предполагает большой труд, к которому в напряженно-

12. Бурдые П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдые. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2001. С. 61.

13. См., напр., тома серии «Философия России второй половины XX века» (РОССПЭН).

14. См.: URL: <http://volkhonka-14.livejournal.com/>.

сти и суете сегодняшнего бытия мало кто склонен (36).

Текст остается при этом вполне «советским», что лучше всего обнаруживается в оговорках, которые Н. В. Мотрошилова считает необходимым сделать: «предпочитаю не приписывать некоторому безличному “мы” утверждения, ответственность за которые нести только мне» (5), «социально-исторической обусловленности (не детерминированности!)» (28) и т. д.

Но, конечно, самая характерная черта ее «диссертационной поэтики» — это списки, перечисления имен академических мужей. Списки разрастаются и принимают эпические формы; достойным мужам приписываются (как гомеровским героям) одни и те же характеристики: они «широко известны своим высоким профессионализмом», стоят «на уровне мировых исследовательских требований», они «критически осваивали западные работы», «предлагали глубокие и оригинальные решения» и, главное, писали «добротные» тексты¹⁵. Величина и значимость измеряются здесь соответствием минимальным требованиям историко-философской компетенции (знание языков, работа с первоисточниками и т. д.), способностью читать «западную литературу», формулировать критические замечания к прочитанному, а также составлять «обширные списки литературы» (121–123) и к месту цитировать Маркса. Парадоксальным образом

15. Это странное, «ремесленное» слово становится почему-то основной характеристикой работы «неортодоксальных авторов», в первых двух разделах оно употребляется буквально страница за страницей (36, 38, 41, 87, 91, 96, 99, 108, 111, 112, 120, 128).

чем больше списки, тем яснее их неполнота, невозможность упомянуть всех, «заявивших свое место» (см. 80–81, где в алфавитном порядке перечисляются 88 фамилий). «Самые крупные» фигуры, такие как А. Ф. Лосев или В. Ф. Асмус, характеризуются, в свою очередь, не иначе как через перечисления работ — «в силу полной ясности весомого научного вклада» (78). Поскольку содержательные характеристики текстов здесь большая редкость (даже в *case study*, посвященном «Философской энциклопедии»), списки обретают самостоятельность, обнаруживают своего рода «целесообразность без цели». В риторике то, что делает Н. В. Мотрошилова, называется аккумуляцией. Монотонная размеренность ее текста заставляет вспомнить «Большую элегию Джонатану Донну», а исключительное внимание к словарям, справочникам и энциклопедиям¹⁶ — *Vertigo* Умберто Эко¹⁷.

И последний штрих. В конце первого раздела Мотрошилова рассказывает о приуроченной к 150-летию Маркса международной конференции. Париж, май 1968 года:

Для той темы, которая обсуждалась на конференции в Сорбонне, события, происходившие в тех же или соседних кварталах, были принципиально важными, знаковыми. Хотя между запад-

16. «Две важнейшие вехи развития нашей науки — “Философская энциклопедия” 60-х годов и “Новая философская энциклопедия” начала XXI века» (75).

17. «Только барочное мышление с его тягой к беспредельному и необыкновенному сумело породить энциклопедические структуры, включавшие бесконечные перечисления свойств» (*Эко У. Vertigo: круговорот образов, понятий, предметов. М.: слово/slovo, 2009. С. 233*).

ными и отечественными марксистами были немалые различия в способах толкования наследия Маркса, они должны были убедиться в том, что на арену социального действия и социальной мысли вновь (и не в последний раз!) выступает экстремизм, революционаризм анархистского, бунтарского типа, прикрываемый именем Маркса. И размежевания с последним оказались, по крайней мере в перспективе,

существеннее, принципиальнее, чем тонкие теоретические разногласия между философами-исследователями из двух социальных систем (59–60).

Точнее выразить пренебрежение практическими контекстами философии и университетский консерватизм поверх национальных границ, пожалуй, невозможно.

Егор Соколов

МЕЖДУ ЛЕВИАФАНОМ И БЕГЕМОТОМ: ДЕЛИРИЙ О ВСЕМИРНОМ СУВЕРЕНЕ

Gerhard Scheit. Der Wahn vom Weltsoverän. Zur Kritik des Völkerrechts Herbst. Freiburg: Ça ira, 2009. — 300 S. (Герхард Шайт. Делирий о мировом суверене. К критике международного права).

Весь мир ожидает спасителя — только многие не знают, что являются фундаменталистами». Так начинает австрийский философ и музыковед Герхард Шайт свою новую работу, посвященную критике представления о современном мировом суверене в концепциях международного права. «Знающие это веруют в Мессию, Христа или Мухаммеда, тем самым отличаясь друг от друга так же, как от незнающих. Последние возлагают свои надежды на объединение Европы как на прелюдию к объединению мира, на централизованный финансовый надзор над банками и биржами и на вечный мир посредством ООН. Государства по всему миру — таков катехизис Секулярных — должны в конце концов прийти к соглашению не только о вредных веществах, но и об общих налоговых расценках и единых заработных платах, дабы никакой капитал впредь не смог, утекая из одной страны в другую, исполь-

зовать работников и служащих друг против друга, и, наконец-то, реализовался бы справедливый обмен». «Но, — возражает Шайт, — откуда берется та власть, которая гарантирует собственность на средства производства, столь нуждающуюся в сохранении, — во всяком случае когда дело касается „созидательного“ [*schaffendes*], а не „рваческого“ [*raffendes*]... капитала. Это организацию *Attac*¹ волнует так же мало, как общину верующих — вопрос, отчего спасение так до сих пор и не наступило» 13).

Итак, в своей книге Герхард Шайт исследует условия возможности того, почему самые радикальные критики политических фундаменталистов сами оказываются полити-

1. *Attac* — международное общественное движение, выступающее за введение налога Тобина: обложения 0,5% налогом спекулятивных банковских транзакций в пользу социальных программ. — *Прим. ред.*